

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

П.С. Каневский, канд. полит. наук, доц. кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия*

ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ ДЕМОКРАТИЮ

(размышления о книге Джона Данна

“Не очаровываться демократией”)

Kanevskiy Pavel Sergeevich, PhD in political science, associate professor of the political science and sociology of political processes department, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, e-mail: baggio-18@yandex.ru

RETHINKING DEMOCRACY

(reflections on John Dunn’s “Breaking democracy’s spell”)

В статье анализируется последняя работа всемирно известного кембриджского политолога Джона Данна “Не очаровываться демократией”. Через призму этой книги, равно как и всего научного наследия Данна, рассматривается современный дискурс о демократии, в рамках которого происходит осмысление последних тенденций ее развития. Ни у кого не вызывает сомнений, что демократия по-прежнему остается одним из наиболее мощных политических символов, но вместе с тем суть этой категории все еще вызывает множество вопросов. Демократия – это нестабильная переменная политического развития, которая способна видоизменяться под воздействием огромного количества факторов. Именно поэтому, прежде чем понять, куда привели нас мимикрии восприятия демократии, Данн предлагает для начала взглянуть на то, как она стала той категорией, без которой сегодня не обходится легитимации большинства современных режимов. Является ли наше понимание демократии сегодня таким же, каким оно было 100, 50 или даже 20 лет назад? Что определяет динамику изменения нашего восприятия демократии как символа публичной власти? Насколько демократия помогает нациям в их стремлении к благосостоянию и установлению эффективной власти? Работа Данна является не просто оригинальным анализом категории демократии в политологическом, социологическом и историческом срезе, это еще и вызов с целью возбудить дискуссию о причинах последних неудач демократии как в развитом, так и в развивающемся мире. Труд Данна буквально разделит научное сообщество на тех, кто увидел в нем предостерегающие сигналы современным демократиям, и тех, кто счел авторский

* Каневский Павел Сергеевич, e-mail: baggio-18@yandex.ru

посыл неоправданным пессимизмом. В действительности, работа Данна не предоставляет возможностей для простых суждений, потому что в относительно небольшом тексте ученый уместил сложнейший клубок вопросов, не предполагающих однозначных ответов. Автор сам признался, что был вынужден использовать абсолютно новый для себя стиль изложения, чтобы донести свои мысли до публики. Данная статья является попыткой дать трактовку идеям Данна и ответить на его призыв политологическому сообществу включиться в дискуссию о содержании и восприятии демократии в современном мире. Этот дискурс представляет особую значимость для сегодняшней России, где демократия не только сталкивается с институциональными трудностями и встречает непонимание со стороны большинства граждан, но где предпринимается очень немного попыток понять причины ее неудач не с точки зрения политического процесса, а с точки зрения ее символического наполнения. Демократия остается не просто ключевым политическим символом современности, которая когда-то начала свое распространение из США и Франции, где произошло переосмысление античного опыта, это также и когнитивный лабиринт, в котором сложно свободно ориентироваться, поэтому любая системная попытка разобраться в нем не должна оставаться незамеченной. Статья будет интересна читателям, занимающимся вопросами политологии, политической социологии, политической лингвистики, истории политической мысли.

Ключевые слова: демократия, политическое развитие, легитимность, власть, представительство, либерализм, свобода, гражданское общество, политический режим, дисфункции демократии.

This article analyzes a book “Breaking democracy’s spell”, the last work by John Dunn, world famous political scientist from Cambridge. Current discourse on democracy and tendencies of its development is seen through the lens of this book and John Dunn’s political thought. It is hard to question the fact that democracy is still one of the mightiest political symbols, although its core meaning still poses a lot of questions. Democracy is an unstable variable, which changes through time being influenced by multiple factors. This is why, before trying to understand where democracy’s mimics are leading us, Dunn proposes to look closer at how it became a category which is so essential for legitimizing contemporary regimes. Is our understanding of democracy the same as it was 100, 50 or even 20 years ago? What determines the dynamics of democracy as a symbol of public power? Does democracy help nations in their quest for well being and effective government? Dunn’s work is not just an original analyses of democracy in political, sociological and historical perspectives, it is also a challenge to provoke a discussion on democracies failures both in developed and developing world. Dunn’s work divided scientific community on those who saw warning signs to democracy and those who considered author to be unjustified pessimist. In reality, Dunn’s work doesn’t give simple explanations because in relatively small text he managed to put complex set of questions, which can’t answered unequivocally. Author himself recognizes that he had to use absolutely new style to convey his thoughts. This article is an attempt to interpret Dunn’s ideas and react to his call to start a discussion on contents and perceptions of democracy

which he sent to a political science community. This discourse is particularly important today for Russia where democracy not only encounters institutional difficulties and misunderstood by majority of the citizens, but where there are very few attempts to understand reasons of its failures not through the lens of political process but looking at its symbolic meanings. Democracy remains not only key political symbol of our age, which once started spreading from the United States and France where its antique experience had been revised, it is also a cognitive labyrinth in which one finds it difficult to orientate. That is why every attempt to understand the structure of the labyrinth is should not be neglected. This article will be of interest to students and scholars in political science, political sociology, political linguistics, history of political thought.

Keywords: *democracy, political development, legitimacy, power, representation, liberalism, liberty, civil society, political regime, dysfunctions of democracy.*

Независимо от идеологических пристрастий и приверженности каким бы то ни было школам или теориям, трудно не признать тот факт, что демократия — это сегодня не просто самое общеупотребимое слово для характеристики режимов, оно является еще и важнейшим символом власти и легитимности установившегося правления. С момента тектонических социально-политических изменений рубежа 1980—1990-х гг. в мире осталось очень немного государств, которые не позиционировали бы себя в качестве новых или переходных демократий. Уровень демократии в обществе и государстве может быть выше или ниже, но глобальный консенсус гласит, что любая страна должна непременно двигаться в сторону демократии и, если существует ее дефицит, нужно выявлять причины и определять, что делать для ее дальнейшего становления и укрепления.

Однако нельзя не замечать тот факт, что демократия является также и одной из наиболее сложных категорий для понимания ее сущности и внутреннего содержания. В рубежной статье 1997 г. “Демократия с прилагательными” Дэвид Коллиер и Стивен Левицки выделили более 50 разновидностей демократических режимов, показав, что стандартизация демократии по единым критериям является затруднительной. Но даже при разностороннем взгляде на демократию, Коллиер и Левицки все равно задали минимальные “процедурные” рамки режима, а именно “конкурентные выборы, всеобщее избирательное право, отсутствие электоральных фальсификаций и, вместе с тем, гарантии гражданских свобод, включая свободу слова, собрания и ассоциаций”¹. Таким образом, как бы широко мы не смотрели на демократию, признавая, что, в зависимости от исторических траекторий, качества институтов и куль-

¹ *Collier D., Levitsky S. Democracy with adjectives // World Politics. 1997. N 3. P. 434.*

турных особенностей, возможны различные ее вариации, мы все равно остаемся верными базовому конституционному набору, который составляет ее понятийное и идейное ядро.

Но это порождает пласт более глубоких и сложных по своей сути вопросов. Почему мы в принципе используем слово демократия для определения современных политических режимов и является ли набор ее базовых принципов безусловной константой? Является ли наше понимание демократии сегодня таким же, каким оно было 100, 50 или даже 20 лет назад? Что определяет динамику изменения нашего восприятия демократии как символа публичной власти? Насколько демократия помогает нациям в их стремлении к благосостоянию и установлению эффективной власти? В какой степени она способна разрешать социально-политические конфликты? Эти вопросы можно было бы назвать риторическими, однако в политологическом мире с новой силой активизировалась дискуссия о содержании и смысле демократии, которая с равной силой распространяется как в переходных, так и в развитых странах. Ярким представителем данной дискуссии является Джон Данн, один из лидеров и интеллектуальных столпов кембриджской школы политической мысли, чья книга впервые была переведена на русский язык лишь в 2016 г. Речь идет о последнем труде политолога “Не очаровываться демократией”, которая, как хочется надеется, не пройдет незамеченной отечественными специалистами².

Значительную часть своего творчества Данн посвятил изучению истории и понятийных мимикрий демократии эпохи Нового времени и современности. Из-под его пера вышло немного работ, однако все они носят яркий полемический характер, предлагая взглянуть за горизонты устоявшихся парадигм и систем понятий. Последняя книга, основу которой составил курс лекций, прочитанный в Йеле, является не только продолжением его предыдущих работ о демократии, но своеобразным вызовом научному сообществу с целью переосмыслить многое из того, что мы считаем политическими и политологическими константами.

Данн принадлежит к тому поколению западных политологов, которые во времена холодной войны и в 1990-е гг. считали, что либеральная демократия обречена на успех во всем мире, однако в последнее десятилетие все больше внимания уделяют дисфункциям демократии и проблемам ее развития. Здесь можно провести параллели с последней работой Фрэнсиса Фукуямы “Политический порядок и политический упадок”, в которой он прослежива-

² Данн Дж. Не очаровываться демократией. М., 2016. (Более дословный перевод оригинального названия “Breaking democracy’s spell” звучит еще резче — “снямая заклятие демократии”.)

ет, каким образом различные, часто противоречащие друг другу, интерпретации демократии в США привели к резкому снижению эффективности правительства и постоянно растущему недоверию к представительным институтам власти³. О дисфункциях демократии еще раньше заговорил Фарид Закария, который в своей хрестоматийной работе “Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами” подчеркнул, что для западных людей демократия означает прежде всего либеральную демократию, которую при этом ассоциируют со свободами конституционного либерализма, тогда как в действительности они соотносимы очень условно и далеко не всегда мирно сосуществуют⁴. Свой вклад в дискурс о кризисе демократии в последние годы внесли такие авторы как Адам Пшеворский, Дэвид Рансимен, Гильермо О’Доннелл, Филип Когган, Джошуа Курланчик, Пиппа Норрис, Вольфганг Меркель, Клаус Оффе и др.⁵. И все же взгляд Данна выделяется в череде этих имен, потому что он не просто говорит об институциональных проблемах демократии и всеобщем снижении легитимности, а пытается разобраться в том понятийном и когнитивном лабиринте, в который нас привело это непростое слово.

Данна нельзя назвать судьей современной теории демократии, хотя многие комментаторы, слишком поверхностно относящиеся к его работам, отводят ему именно эту роль. Он является критиком в той же степени, в какой им был Йозеф Шумпетер, утверждавший, что электоральная демократия является, в первую очередь, властью политиков, а не демоса, хотя народ и сохраняет при благоприятных раскладах возможность влиять на выбор тех, кто им правит⁶. Однако, несмотря на признание ограниченности влияния народа на принятие решений в условиях современных политий, демос для Данна остается краеугольным камнем существующей общественно-политической формации, потому что демократия невозможна без демоса; она нуждается в нем концептуально, семан-

³ См.: *Fukuyama F.* Political order and political decay: from the industrial revolution to the globalization of democracy. N.Y., 2014.

⁴ См.: *Zakaria F.* The future of freedom: illiberal democracy at home and abroad. N.Y.; L., 2003. P. 17.

⁵ См.: *Coggan P.* The last vote: the threats to western democracy. L., 2013; *Kurlantzick J.* Democracy in retreat: the revolt of the middle class and the worldwide decline of representative government. New Haven, 2013; *Norris P.* Democratic deficit: critical citizens revisited. Cambridge, 2011; *Merkel W.* Is there a crisis of democracy? // *Democratic Theory*. 2014. Vol. 1. Iss. 2; *O’Donnell G.* The perpetual crises of democracy // *Journal of Democracy*. 2007. Vol. 18. Iss. 1; *Offe C.* Crisis and innovation of liberal democracy: can deliberation be institutionalised? // *Czech Sociological Review*. 2011. N 47(3); *Przeworski A.* Democracy and the limits of self-government. Cambridge, 2010; *Runciman D.* The confidence trap: a history of democracy in crisis from World War I to the present. Princeton, 2013.

⁶ См.: *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.

тически и практически. Демос же “существует там, где могут возникнуть и сохраняться во времени и пространстве общие чувства, восприятия и убеждения и тем самым может создаться хотя бы слабая возможность общего интереса”⁷. Как следствие, сегодня мы видим укоренение демократической традиции преимущественно в мирных государствах, которые сосуществуют в рамках общей глобальной либеральной экономики и которых объединяет то, что можно назвать системой или системами общих ценностей.

Данн направляет свои усилия на то, чтобы понять, где заключается главная сила притяжения демократии, почему в наши дни она стала наиболее важным символом власти, без которого не может обойтись практически ни один режим или политический лидер. Почти во всех своих работах, особенно с начала 1990-х гг., Данн стремится показать, что, во-первых, возможно, современные люди слишком упростили понятие демократии, во-вторых, что истинный смысл демократии сложно определить без знания ее противоречивых исторических трансформаций.

Мысль Данна не так проста, чтобы дать тривиальное объяснение сегодняшних неудач демократии на Западе и ее неспособности успешно продолжить свое распространение в развивающихся странах. Он сомневается, что демократия когда-нибудь была синонимом хорошего правления, хотя бы потому что она нигде и никогда не решила проблему неравенства, а в ряде случаев уживалась с вопиющей социальной несправедливостью (рабство, сегрегация, колониальные системы, оправдание войн). Еще одна проблема заключается в динамике режимов, сменяемых под флагами демократии, — в итоге, они далеко не всегда становятся более демократичными. Достаточно посмотреть на результаты Арабской весны, которая не только не привела к распространению демократии, а спровоцировала жесткую автократическую реакцию, вышедшую за пределы арабского мира. Но и в развитых странах люди, выбирающие своих представителей посредством демократических процедур, слишком часто разочаровываются в результатах их правления; отсюда можно сделать вывод, что демократия не способна постоянно поддерживать высокий уровень доверия между государством и обществом. Но если демократия полна стольких недостатков, то почему так важно, чтобы все решения в государстве продолжали приниматься под ее эгидой? Даже в Египте, где ситуация со свободами как минимум не улучшилась за последние пять лет, действующий президент все-народно заявляет о том, что страна завершила демократический

⁷ Данн Дж. Указ. соч. С. 37.

транзит⁸. Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, надо вслед за Данном проследить, каким образом происходило символическое наполнение термина “демократия” и как мы пришли сегодня к тому, что демократия стала наиболее универсальным определением для государств, которые считают или хотят считать себя наиболее прогрессивными и эффективными.

Если какой-то стране мы обязаны тем, что демократия стала самым мощным орудием политической риторики, то это должны быть Соединенные Штаты. Именно там она впервые становится частью устоявшейся политической традиции, которую очень точно выхватил Алексис де Токвиль: основа и сила демократии заключаются в том, что посредством нее народ (демос) легитимизирует закон. Значимость американской трактовки еще и в том, что к концу XIX в. в США закрепилось избирательное сродство между демократией, верховенством закона и нормативными основаниями капиталистической экономики. Подобная концептуальная смесь находится очень далеко от понимания демократии древними афинянами, у которых западный мир позаимствовал слово, но не его первоначальное содержание. В своей более ранней работе, посвященной истории демократии, Данн приходит к выводу, что “от древней демократии остались не институты или способы осуществления власти, а образ мысли”⁹. Этот образ мысли оставался не востребовавшимся человечеством до тех пор, пока мир в конце XVIII в. не сотрясли два революционных движения, — в Северной Америке и Франции, — которые вывели на поверхность абсолютно новый пласт идей и ценностей. Они не могли более существовать в парадигмах *anciens régimes*, им нужны были новое осмысление и новая система координат. И именно поднятая из глубины истории теория демократии стала одной из фундаментальных основ нового мышления, хотя и не сразу заняла то центральное место, которое она удерживает по сей день.

Данн приписывает первую системную попытку переосмысления античного опыта демократии Томасу Пейну, одному из самых неординарных мыслителей американской революции, который в своих трактатах определил границы “новой” демократии — не прямой ее разновидности, что была присуща древним грекам, но основанной на идее представительства. Пейн назвал это представительной республикой, основанной на всеобщем избирательном

⁸ Hashem M. Sisi: Egypt has completed a democratic transition // Al Jazeera. 2016.14.02. URL: <http://www.aljazeera.com/news/2016/02/sisi-egypt-completed-democratic-transition-doctors-protest-160213195244238.html>

⁹ Dunn J. Setting the people free: the story of democracy. L., 2005. P. 38–39.

праве и регламентированной конституцией¹⁰. Хотя Пейн не использовал словосочетание “представительная демократия”, он одним из первых показал, что представительство возможно не только в условиях монархического правления (подразумевая специфический британский опыт) и что оно может поддерживаться свободным волеизъявлением граждан, честными выборами и прозрачными законами¹¹. По словам Александра Гамильтона, это был триумф представительной демократии, формы, которая поддерживалась периодическими выборами и становилась политическим фундаментом нового государства. Впрочем, слово “демократия” в дискуссиях периода американской революции и первых десятилетий независимости носило крайне противоречивый характер.

Несмотря на работы Пейна, яркие речи Гамильтона или Джона Адамса, консенсус американцев заключался в том, что борьба ведется не во имя демократии, а против имперского могущества по ту стороны Атлантики. Согласно Данну, со стороны истеблишмента “это ни в коей мере не была приверженность демократии как форме правления или политической ценности”¹². Более того, для многих “отцов основателей” демократия виделась скорее прямой угрозой для рождавшегося союза штатов. Этот союз было важно противопоставить монархии и если какое-то слово применялось в качестве антипода, то это скорее была не демократия, а республика. Самой влиятельной работой, которая характеризовала преимущества республики с одной стороны и опасности демократии и монархии с другой, был сборник статей “Федералист”, вышедший в 1788 г. В частности, Джеймс Мэдисон в десятой статье проводит четкие границы между древней демократией и новыми идеями представительства. В этом смысле он продолжил логику Томаса Пейна, однако, как и большинство его современников, посчитал, что слово “демократия” исторически дискредитировано, так как все еще ассоциировалось с прямыми формами правления, нестабильностью и фракционной борьбой¹³.

Возрождение “демократического образа мысли” параллельно происходило и по другую сторону Атлантики – во Франции. В отличие от Североамериканских штатов, где слово “демократия” хоть и использовалось, но все же долгое время было наполнено противоречиями, в революционной Франции, напротив, случилась стремительная, пускай и недолгая, идеализация демократии. В частности,

¹⁰ См.: *Dunn J.* Op. cit. P. 113.

¹¹ См.: *Пейн Т.* Здравый смысл // Пейн Т. Избранные сочинения. М., 1959.

¹² *Данн Дж.* Указ. соч. С. 72.

¹³ *Мэдисон Дж.* Федералист № 10 // *Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея.* М., 1994.

“для Робеспьера добродетель не только является душой демократии, она возможна только в условиях такой формы правления”¹⁴. А утопист Гракх Бабеф, лидер движения “Во имя равенства”, постоянно использовал слово “демократия” в противовес новой республиканской элите, утверждая, что это “наиболее совершенный из общественных договоров”¹⁵. Хотя это тема для большой дискуссии, но опыт Франции показал, что более умеренные американские идеи представительства интересов и ограничения элементов прямой демократии, особенно в условиях политической нестабильности, имели под собой серьезные основания. Якобинский террор стал подтверждением многих предостережений, в том числе Джона Адамса и Джеймса Мэдисона, о том, что демократия может заканчиваться деспотизмом и бесконтрольным насилием¹⁶. Лишь пройдя путь гоббсовской “войны всех против всех”, Франция, во многом благодаря силе мысли и влиянию Бенжамена Констана, принимает идею представительства интересов, хотя последней понадобилось еще много времени для того, чтобы обрести четкие и стабильные институциональные рамки¹⁷.

Революционные движения в Америке и Франции были еще лишь робкой попыткой демократии утвердиться в качестве важного политического символа, особенно если сравнивать это с современностью, в которой мало кто решается на отрицание ее достоинств, а если и делает это, то добровольно соглашается на шквал критики в свой адрес. Когда же происходит тот переломный момент, который превращает демократию из выкопанного символа античности в новый, непререкаемый авторитет власти? Если следовать логике Данна, это происходило постепенно, так как единой поднятая на поверхность, идея демократии не имела друго-

¹⁴ *Dunn J.* Op. cit. P. 117.

¹⁵ *Бабеф Г.* Газета свободной печати. № 15 // Бабеф Г. Сочинения в четырех томах. Т. 3. М., 1977. С. 101.

¹⁶ *Мэдисон Дж.* Указ. соч.; *Adams J.* Defence of the Constitutions. Vol. III cont'd, Davila, Essays on the Constitution // *The Works of John Adams.* Boston, 1856.

¹⁷ После того как Французская революция попыталась распространить понятие суверенитета на весь народ, идеи Констана были шагом в обратном направлении, но в то же время и переосмыслением соотношения между демосом и государством. Он попытался показать опасность как всеобщего представительства, так и сохранения закрытой аристократической структуры, заняв, таким образом, позицию между радикальными революционерами и сторонниками Эдмунда Берка, подвергнувшего критике идеалы народной власти. Распространение трудов Констана знаменовало рождение французского республиканизма нового толка, черпающего идеи одновременно из принципов аристократизма и демократии (подробнее см.: *Garsten B.* From popular sovereignty to civil society in post-revolutionary France // *Popular Sovereignty in Historical Perspective* / Ed. by R. Bourke, Q. Skinner. Cambridge, 2016).

го выхода кроме как стать базисом нового политического порядка. И уже “к сороковым годам XIX столетия, когда Токвиль засел за работу над своим не имеющим равных толкованием, новая республика и номинально, и по существу приняла демократию”¹⁸. Что произошло в американском государстве к 1840-м гг., что превратило демократию из опасного слова в главный политический символ нации? Ответ Данна звучит интересно (в том числе и для понимания дальнейшей динамики развития демократии в мире): согласившись на республику, Соединенные Штаты оставили себе мало альтернатив — либо вернуться к власти аристократии, либо двигаться в сторону отражения интересов демоса в широком смысле. Именно постепенное расширение понимания американскими политиками демоса лежало в основе все более заметного проникновения демократии в ткань новой республики. Эту мысль Данна подтверждает и партийная история США, ведь для того, чтобы укрепиться в качестве символа нового режима, демократии потребовалось несколько идеологических расколов в XIX в.

Первый раскол произошел в первые годы независимости, когда образовались Федералистская партия (в 1789 г.) и Республиканская партия (1799 г.), которую позднее историки назовут республиканско-демократической, намекая на ее роль в становлении демократического движения. Причина раскола заключалась в том, что ряд основателей американского государства видели в политике единственной на тот момент Федералистской партии, ведомой Александром Гамильтоном, опасные предпосылки возрождения европейского аристократизма и чрезмерной централизации. Гамильтон открыто отстаивал интересы крупных предпринимателей и религиозной элиты, а электоральную основу партии составляли преимущественно богатые и статусные семьи Новой Англии, многие из которых вели свои родословные от первых британских колонистов. Джеймс Мэдисон и Томас Джефферсон считали, что централизация федерального центра, равно как и потенциальный союз между государством и новой аристократией, нанесет слишком серьезный урон молодой республике, которой требуется больше свободы, особенно на уровне штатов. Именно в период развития Республиканской партии (1790—1820-е гг.) возникает феномен джефферсоновской демократии, которая определила себя через противостояние любым формам аристократии, нетерпимость к коррупции и возвеличила общественную добродетель. Социальной базой новых республиканцев, бывших главными носителями взглядов Джефферсона, стали йомены (мелкие фермеры, не державшие

¹⁸ *Данн Дж.* Указ. соч. С. 74.

рабов), плантаторы и те, кого политики того времени называли простым народом (*plain folk*). В итоге, джефферсоновская демократия одержала безоговорочную победу и стала главной идеологической опорой во время Первой партийной системы (примерно 1792—1824 гг.).

Однако еще более важным для судьбы демократии стал второй раскол, так как он произошел уже внутри движения джефферсоновских демократов и знаменовал этим наступление Второй партийной системы (примерно 1828—1854 гг.). Республиканская партия поделилась на сторонников Эндрю Джексона (основавших новую Демократическую партию в 1828 г.) и его противников, которые к 1833 г. создали оппозиционную Партию вигов. Между данными партиями существовал целый ряд различий, связанных с развитием экономики, внешней политикой и социальными проблемами, в первую очередь с рабством, разночтения по поводу которых в итоге приведут эти партии не только к новому политическому кризису, но к разрушительной гражданской войне. И все же между демократами и вигами уже не было противоречий в главном интересующем нас вопросе: обе стороны были убеждены в том (или как минимум позиционировали это), что воля народа является отныне главной движущей силой политики. Президентские выборы 1828 г. стали точкой отсчета для американской политики нового типа, не просто ориентированной на общественное мнение, но стремившейся наладить прямой контакт с публикой посредством местных партийных представительств, ярких лидеров и прессы. Это было началом настоящей публичной политики и тем моментом, когда началось стремительное включение все большего числа людей в орбиту американской партийной системы.

Данные процессы шли параллельно с профессионализацией политики, которая также меняла политический ландшафт страны и его символическое наполнение. И здесь снова переломным моментом стали выборы 1828 г. М.Я. Острогорский в своем труде “Демократия и политические партии” писал, что “вокруг новых деятелей сначала в Нью-Йорке, а потом в других местах объединилось значительное количество людей, специально занимавшихся политикой и желавших занять государственные должности”¹⁹. Обвинявшие Джона Адамса, политика старой формации, в том, что он проигнорировал волю народа во время выборов 1825 г., сторон-

¹⁹ Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М., 1997. С. 307. Говоря о новых деятелях, Острогорский подразумевает прежде всего Мартина ван Бюрена и Аарона Бэрра, которые в 1820—1830-е гг. изменили философию партийной системы, что сопровождалось трансформациями в экономике, увеличением числа государственных учреждений, расширением избирательных прав.

ники Джексона не просто апеллировали к широким слоям и проявили невиданную до того активность во время проведения своих кампаний, они создали новую картину политического мира, в которой на первое место вышел демос — народ, избирающий своих правителей. Социальный эффект этой перемены был столь значительным, что ни один политик или кандидат в будущем уже не смел изменить ситуацию в обратном направлении. Новые демократы в Америке открыли для себя преимущества мобилизации больших общественных групп, которые стали неотъемлемыми участниками политической борьбы и чьи интересы стали определять новые повестки. Таким образом, слово “демократия” в течении четырех десятилетий американской государственности проделало путь от изгоя, пережитка древнего прошлого к обновленному символу политической власти.

Пример Соединенных Штатов является столь важным и ему следует, вслед за Данном, уделять так много внимания, потому что, при всей концептуальной размытости, американцы первыми внедрили демократию в свою политическую традицию и, более того, никогда от нее более не отступали. Другим образом и в иных социальных условиях демократия в XIX в. переживала свое распространение и в Европе. Здесь ключевая роль вновь отводится Франции, где демократия, на короткое время став символом для ряда мыслителей и революционеров, во времена Наполеона и последовавшей реставрации империи, как казалось, утратила свое значение. Однако как и в Америке, единожды появившись и распространившись, это понятие по-настоящему уже никогда не исчезало. Отчасти возрождению символа демократии способствовали и тесные политические и интеллектуальные связи с США. Согласно Франсису Дюпуи-Дери, “американская республика к 1830-м гг. практически всеми образованными кругами во Франции называлась не иначе как демократической”²⁰. Восхищаясь опытом американцев, французские умеренные республиканцы стали все чаще говорить о демократии в позитивном ключе. Конечно, здесь также сложно переоценить влияние “Демократии в Америке” де Токвиля, книги, через призму которой французская республиканская элита стала смотреть на демократию не просто как на тип режима, но как на состояние общества, к которому следует стремиться и которое откроет дорогу в будущее.

Правда, во Франции, в отличие от США, зародилось и совершенно иное понимание демократии, которое затем окажет огромное

²⁰ Dupuis-Déri F. The political power of words: the birth of pro-democratic discourse in the nineteenth century in the United States and France // Political Studies. 2004. Vol. 52. Iss. 1. P. 124.

влияние на ее толкование во всем мире. В течение первой половины XIX в. в стране стали возникать различные социалистические группы и движения, которые провозгласили лозунг “Да здравствует демократическая и социалистическая республика”. Таким образом, к середине столетия во Франции четко оформились две конкурирующие друг с другом стороны – республиканцы и социалисты, которые вели не только политическую борьбу за симпатии людей, но и борьбу семантическую – за право быть носителями “правильного” понимания демократии. Эта борьба особенно ярко проявилась накануне и после революции 1848 г. Тогда произошла не только всеобщая популяризация демократии, но и глубинные изменения ее смысла, во многом связанные с необходимостью размежевания между конкурирующими политическими силами. И если социалисты продолжали интерпретировать демократию в русле идей всеобщего равенства, ориентируясь в первую очередь на интересы рабочих и бедных слоев населения, то республиканцы распространили ее на всю нацию, которая должна объединяться вокруг либеральных ценностей. Именно в этом ключе надо смотреть на высказывание де Токвиля, который в 1848 г. заявил, что хочет видеть республику, которая была бы полностью демократической, не становясь при этом социалистической²¹.

Соотношение республиканско-либерального и социалистического видений демократии, которые в течение последних полутора столетий прошли этапы как острейшей идеологической конкуренции (“социалистический блок” против “либерального Запада”), так и исторических альянсов (коалиционные правительства всеобщего единства в современной Европе), – это лишь одна из концептуальных трудностей. Данн прав, когда говорит, что проблема интерпретации демократии в ходе истории усложнялась много раз и в особенности тогда, когда она пересекала границы Европы и Северной Америки, встав перед необходимостью приспособляться или быть приспособленной к абсолютно иным социокультурным рамкам. XX в. в этом смысле породил множество семантических казусов, когда демократиями себя провозглашали и сталинский Советский Союз, и Камбоджа “Красных кхмеров”, и современная КНДР. Однако Данн признает, что “какие бы возможности для самообмана не предоставляла категория демократии и для каких бы злоупотреблений ее цинично не приспособляли, невозможно всерьез отрицать, что она открыта для разных интерпретаций... Злоупотребление политической категорией никогда не лишает ее

²¹ См.: *Dupuis-Déri F.* Op. cit. P. 125.

действенной силы”²². Именно вольности в трактовках демократии, согласно Данну, делают данную категорию столь противоречивой и именно поэтому опыт демократии всегда оказывается столь сложным. Нельзя не признать, что Данн говорит здесь об очень тонких гранях, которые должны отделять злоупотребления демократией от ее потенциальных благ. Он ни разу не дает ответ на вопрос, где существуют эти грани, возможно, намекая на то, что их в принципе нет.

Люди столь по-разному интерпретируют демократию не только по идеологическим соображениям, но и потому, что они часто смотрят через призму особого опыта своих народов. Здесь Данн согласен с Сэмюэлем Хантингтоном в том, что прорыв демократии за пределы своей изначальной среды развития не случаен. Он происходит, во-первых, потому что в этих обществах, возможно, уже существовало ожидание демократии, пускай даже и в малых размерах, а, во-вторых, потому что сила демократии может предоставить легитимную основу отказа от существующего режима²³. Опыт США и Франции, а потом и других демократий на Западе показывает, что идентификация своих режимов с демократией происходило в силу их желания не быть монархиями, аристократиями, олигархиями, империями — всеми теми формами правления, которые, по мнению элиты и наиболее активных граждан, неизбежно уходили в прошлое. В этом отношении слова “республика” оказалось недостаточно, потому что, как показывает опыт американской и французской политической борьбы в XIX в., оно слишком часто ассоциировалось с аристократией и правлением избранных. Именно демократия стала той категорией, которая открыла абсолютно новое понятийное пространство, в котором могли уживаться органы власти, высшие и низшие слои, а демос получил право конечной легитимации режима.

И все же, когда демократия приходит на новые территории, ее опыт везде уникален. Хотя американское понимание демократии по сей день остается главной точкой отсчета, едва ли пересечение демократией каких-либо границ означает, что она превращает государство в американскую копию. Данн пишет, что “подобно автократии, демократия — категория приспособляющаяся к конкретному месту”²⁴. Именно поэтому он уделяет столь много внимания Индии, которая является ярким и до сих пор окончательно не осмысленным примером развития демократии там, где для нее не было никаких институциональных гарантий. Конечно,

²² Данн Дж. Указ. соч. С. 116.

²³ См.: Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003.

²⁴ Данн Дж. Указ. соч. С. 98–99.

нельзя сбрасывать со счетов влияние британского правления на развитие администрации, местных законов и системы образования, однако сказать, что демократия была унаследована от британской метрополии — это верный способ попасть в ловушку имперского мышления, пускай даже либеральной его разновидности. Во-первых, Великобритания в период своего владычества в Индии не была образцом демократии и не ассоциировалась с ней напрямую, более того, распространение демократического мышления было путем к идеям о самоуправлении (что, в конечном счете, и произошло), чего британцы никогда не хотели допускать. Во-вторых, следует задаться вопросом, почему демократия стала по-настоящему легитимным символом власти именно на территории современной Индии, а не в Пакистане, Бангладеше или Мьянме (бывшей Бирме), которые были частью Британской Индии? Если следовать традиции де Токвиля определять демократию через особое состояние общества, то ответ на этот вопрос надо искать в сложном социальном устройстве Индии, которое было первичным по отношению к либеральным идеям, пришедшим вместе с британцами.

Данн предлагает посмотреть на “набор искусно разбросанных по социальному ландшафту практик, которые образуют гражданское общество Индии на всех уровнях, от деревень до политических или деловых столиц и постоянно вмешиваются в отношения между государством и отдельными гражданами”²⁵. Эти практики возникли во многом как реакция со стороны общества с целью защитить свои интересы и быстрее, чем где-либо, распространялись в требующих автономии деревнях и среди наиболее обездоленных слоев населения. Однако эта борьба уже существовала до британского правления и как ни странно это звучит, но система колониального управления, скорее всего, лишь усилила ее. Это является еще и свидетельством индийского плюрализма — пестрой картины интересов различных социальных групп (каст, религиозных групп, городских и сельских жителей и т.д.), которую очень хорошо прочувствовали основатели демократического движения и которую они смогли хотя бы на уровне символов соединить в картине мира независимой демократической Индии.

Данн не первый, кто предлагает всмотреться в структуру индийского общества, чтобы понять, почему там стала возможна демократия. За последние сто лет вышло немало работ, посвященных этому вопросу: начиная от социологической школы Радхакамала Мукерджи и заканчивая современными исследованиями Субраты

²⁵ Данн Дж. Указ. соч. С. 116.

Митры²⁶. В конечном счете, как до этого в США, демократия в Индии проложила путь не только к размежеванию с правлениями прошлого, но к новому видению легитимации власти. Очевидно и то, что демократия помогла собрать воедино очень сложное по своей природе общество и спасти государство от возможного распада во времена освободительного движения и распада колониальной системы. По-прежнему несмотря на систематическое недоверие политикам и всеобщую коррупцию все исследования показывают, что демократия пользуется огромной популярностью у индийского населения и ни у кого не вызывает сомнений, что дальнейшее развитие страны, в том числе экономическое, зависит от приверженности демократическим ценностям. Этому есть минимальные разумные объяснения — сложно спорить с нобелевским лауреатом Амартией Сеном, который в своих работах показал, что если представительная демократия вместе с инструментальными свободами, периодическими выборами и открытыми дискуссиями не принесла Индии всеобщего благосостояния, то она как минимум избавила ее от голода²⁷.

И все же для Данна демократия остается противоречивой категорией, потому что, на его взгляд, нет постоянной прямой связи между легитимацией власти, которую обеспечивает демократия, и качеством принимаемых решений. Тот факт, что сегодня мы привыкли объединять демократию, капитализм и верховенство закона явно упускает из внимания множество исторических примеров, когда государственная политика оказывалась эффективной и без демократических свобод. Например, Сингапур при Ли Куан Ю добился впечатляющих экономических успехов, будучи при этом умеренной автократией. Существуют и обратные примеры: Великобритания при Клементе Эттли или Франция в первые годы президентства Франсуа Миттерана были гораздо ближе к социалистической экономике, чем к капитализму, однако несомненно оставались демократиями.

Неудивительно, что Данн устремляет свой взор в сторону современного Китая, который в последние три десятилетия добился невероятных экономических результатов, при этом на всех уровнях тщательно обходя символы демократии. Будучи народной республикой, Китай не становится демократией, потому что это потребует абсолютно иного подхода к легитимации режима, при котором народу не просто будет принадлежать республика (как она на бумаге

²⁶ См.: *Mukerjee R. Democracies of the East: a study in comparative politics. L., 1923; Mitra S. Politics in India: structure, process and policy. Oxford, 2011.*

²⁷ См.: *Сен А. Развитие как свобода. М., 2004.*

принадлежала советским гражданам), но при котором народ станет решать, готов ли он и дальше доверять своим правителям. По сути, главный источник легитимации китайской власти сегодня заключен в темпах экономического роста, однако это таит множество рисков для любого режима. Данн достаточно убедительно показывает, что со времени проникновения в Китай самых передовых западных либеральных идей через российских советников в начале XX в. или визитов Джона Дьюи в 1920-е гг. и дальнейшего распространения его концепции демократии как антитезы принуждения, в Поднебесной исторически не было серьезной токвилевской социальной базы для настоящего демократического развития²⁸. Можно добавить, что на самом деле она возникла, однако исключительно в виде небольших очагов, оказавшихся под влиянием иных векторов развития и сумевших встроиться в глобальный либеральный консенсус (речь, конечно, о Гонконге и Тайване).

Таким образом, Китай никогда не отказывался от иерархического и дидактического взгляда на легитимность, который очень трудно совместить с западным (и особенно американским) горизонтальным и эвристическим взглядом. В китайском мировоззрении должна быть «вершина власти, которая навязывает свое превосходящее видение остальным людям, а в последние два столетия и еще и тем, кто имел счастье родиться китайцами “хань”»²⁹. Вопросы, которые фактически ставит Данн применительно к Китаю, крайне интересны: если у Китая нет никаких оснований стать демократией и в то же время страна добивается феноменальных темпов экономического развития, означает ли это, что Китай сможет предложить новую модель недемократического капиталистического развития, либо он обречен столкнуться с неразрешимыми проблемами в силу собственного нежелания менять структуру власти в сторону большей демократичности?³⁰ Для Данна противостояние между китайским и западным видениями развития — один из ключевых вопросов для определения судьбы демократии.

²⁸ Подробнее о влиянии Джона Дьюи на китайское восприятие демократии см.: *Sor-Hoon Tan. China's pragmatist experiment in democracy: Hu Shih's pragmatism and Dewey's influence in China // Metaphilosophy. 2004. Vol. 35. Iss. 1–2.*

²⁹ Данн Дж. Указ. соч. С. 96.

³⁰ Сеймур Мартин Липсет, конечно, не согласился бы с такой постановкой вопроса. Для него экономическое развитие не может приводить к другому результату кроме как к демократизации режима. Но Китай все еще являет собой странное исключение из правила Липсета, так как постоянный рост, который страна демонстрирует с 1979 г., хоть и привел к локальным успехам (право свободного передвижения, предоставление больших свобод бизнесу), но отнюдь не превратил страну в демократию (см.: *Luncet С.М. Размышления о капитализме, социализме и демократии // Пределы власти. 1994. № 1).*

Смятение Данна по поводу Китая можно понять, страна представляет собой головоломку для любого политолога, который занимается вопросами развития. Рост экономики вывел на поверхность прежде никогда не существовавшие факторы — развитие городов, увеличение доли среднего класса, необходимость экономических реформ. Чтобы эти факторы не стали дестабилизирующими, Китаю придется либо больше интегрироваться в Западный мир, либо предлагать собственные концепции. Есть, правда, и третья плоскость, о которой не пишет Данн, но о которой говорил Ли Куан Ю. “По мере того как развитие Китая подходит к тому рубежу, когда страна будет обладать достаточным весом, чтобы навязывать свое влияние в регионе, Китаю необходимо определиться в судьбоносном вопросе: быть ли ему гегемоном и использовать свой вес, чтобы создать сферу влияния для обслуживания собственных политических и экономических интересов; или продолжать развитие в качестве добропорядочного члена международного сообщества и соблюдать правила игры”³¹. Примечательно, что, будучи либеральным автократом, Ли Куан Ю считал, что Китаю необходимы перемены в трех областях: добиться установления свободной рыночной экономики, превратить преимущественно деревенскую страну в городскую, трансформировать общество, контролируемое государством, в гражданское общество. При этом Китай сталкивается сегодня с изменениями мотиваций в системе ценностей среди новых поколений, с одной стороны, и пагубными последствиями чрезмерной коррупции — с другой. Таким образом, выбор между демократией и ее альтернативами носит крайне острый характер и, скорее всего, эта напряженность будет лишь усиливаться по мере роста ожиданий со стороны населения и накапливающихся структурных проблем.

И все же Данн постоянно возвращается к тому, что нынешние проблемы, с которыми сталкивается демократия по всему миру, надо искать в тех странах, откуда она изначально пришла и где она наиболее укоренилась. Демократия и развитие находятся в причинно-следственной связи, однако достигая высот в одном (например, в экономике или защите прав человека), люди забывают о том, чего им это стоило в исторической перспективе, и считают, что система автоматически будет справляться с возникающими вызовами. Западный мир и Китай сегодня объединяет то, что экономическое процветание становится более весомой ценностью по сравнению

³¹ Ли Куан Ю. Из третьего мира в первый: история Сингапура (1965–2000). М., 2016. С. 536–537.

с инструментальными свободами. Но если в Китае обратного примера не существует, то история развития демократии в Европе, Северной Америке и Японии говорит о том, что либеральный консенсус не является однозначно устоявшимся набором ценностей.

Данн не предлагает отказаться от демократии или пересмотреть ее базовые принципы, он лишь призывает более осторожно отнестись к этой категории и осознать, что это не магическое заклинание, способное решить все проблемы или оправдать любое решение. Проблемы современной демократии во многом лежат одновременно в управленческой и в социально-экономической плоскости. В частности, он пишет, что “нежелание хотя бы чуть-чуть поступиться комфортом и удобствами, которому с неиссякаемым остроумием и упорством потакает организация нашей экономической жизни, — не та черта человеческих предпочтений, которую легко исправить. Наши текущие приоритеты могли бы изменить только более глубокое понимание масштаба риска, которому мы решили себя подвергнуть”³².

Проблемы современной демократии во многом связаны с тем, что она вмещает в себя слишком много объяснений современной политики, хотя изначально она не была для этого приспособлена. В частности, Фукуяма считает, что в США демократия стала оправданием для бесконечной конкуренции групп интересов и внутрипартийных фракций, которые столь часто в последнее время парализуют систему принятия решений. Но если разочарованный в чрезмерной демократии Фукуяма фактически предлагает вернуться к гамильтоновским принципам и возродить традицию сильного центрального правительства (хотя, в условиях нынешнего американского федерализма, это вызывает множество вопросов), то Данн ставит задачу гораздо масштабней — он предлагает изменить политическое мировоззрение всего американского истеблишмента, откорректировав символическое наполнение демократии, вернуть ее к *raison d'être*. Отсюда его призыв к ведущим университетам, формирующим интеллектуальные рамки для элиты, направить когнитивные усилия на преодоление того тупика, который образовался из-за многочисленных упрощений и неверных трактовок и который прочно засел в головах нынешнего поколения политиков и управленцев. Несмотря на блестящий ум Данна в этом возгласе все же чувствуется доля академического идеализма и наивности, так как даже лучшим университетам вряд ли по силам предложить выход из этого когнитивного лабиринта.

³² Данн Дж. Указ. соч. С. 144.

Демократия сегодня все еще является, по сути, тем единственным инструментом власти, посредством которого народ добровольно принимает подчинение. При этом демократия у Данна не является законностью, она ее не гарантирует, более того, эти переменные находятся в потенциальном конфликте. На фоне критики либерального мировоззрения, стремления к закрытости и роста популистских настроений, которые в настоящее время с парадоксальной скоростью охватывают прежде всего самые развитые страны мира, вопрос соотношения демократии и законности выглядит как никогда актуальным: “...население Европы или Северной Америки сегодня, вероятно, ценит законность гораздо выше, чем демократию, потому что ее выгоды там, где они есть, одновременно и значимее, и гораздо надежнее”³³. Если эти тенденции действительно имеют глубокие общественные основания, возможно, это знаменует невидимый перелом, который определяет судьбы современных режимов. В таком случае, возможно, демократия будет в большей мере поддерживаться лингвистической привычкой, чем реальным содержанием.

Многие российские читатели найдут в книге Данна подтверждение чувствам разочарования демократией, которые развивались в нашей стране параллельно с демократическими институтами. Стабильность, порядок, суверенитет в последние годы стали для российских граждан гораздо более важными ценностями, а демократия в большей степени ассоциируется с материальными благами, чем со свободой, выборами или подотчетностью власти населению³⁴. Впрочем, несмотря на фиксируемые социологами факты в России практически не публикуются серьезные научные работы, направленные на обобщение этих тенденций.

Означает ли современный этап развития демократии, что мы стоим на пороге иного восприятия общественного договора между государством и обществом? Можем ли мы в условиях приверженности конституционным нормам говорить о том, что экономический рост может заменить собой основание легитимности? Возможно, Данн прав в том, что демократия сегодня вышла за пределы своих когнитивных и объяснительных возможностей, однако вряд ли это полностью управляемый процесс и вряд ли такой ответ устроит государства, которые наблюдают неукоснительное снижение доверия к собственным институтам власти.

³³ Данн Дж. Указ. соч. С. 44–45.

³⁴ Пресс-выпуск ВЦИОМ. 2016.15.08. № 3175. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115815>; Большинство россиян предпочитают демократии порядок // Левада-центр. 2015.15.04. URL: <http://www.levada.ru/2015/04/15/bolshinstvo-rossiyan-predpochitayut-demokratii-poryadok/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бабеф Г. Газета свободной печати. № 15 // Бабеф Г. Сочинения в четырех томах. Т. 3. М., 1977.

Большинство россиян предпочитают демократии порядок // Левада-центр. 2015.15.04.

Данн Дж. Не очаровываться демократией. М., 2016.

Ли Куан Ю. Из третьего мира в первый: история Сингапура (1965–2000). М., 2016.

Липсет С.М. Размышления о капитализме, социализме и демократии // Пределы власти. 1994. № 1.

Мэдисон Дж. Федералист № 10 // Федералист: политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М., 1994.

Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М., 1997.

Пейн Т. Здравый смысл // Пейн Т. Избранные сочинения. М., 1959.

Пресс-выпуск ВЦИОМ. 2016.15.08. № 3175.

Сен А. Развитие как свобода. М., 2004.

Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003.

Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.

REFERENCES

Adams J. Defence of the constitutions Vol. III cont'd, Davila, Essays on the Constitution // The Works of John Adams. Boston, 1856.

Babeuf G. Gazeta svobodnoj pečhati. № 15 [The tribune of the people. N 15] // Babeuf G. Sochinenija v chetyreh tomah [Works in Four Volumes.]. Т. 3. М., 1977 (in Russian).

Bol'shinstvo rossijan predpochitajut demokratii porjadok [Majority of Russians Prefer Order to Freedom] // Levada-centr [Levada-centr]. 2015.15.04 (in Russian).

Coggan P. The last vote: the threats to western democracy. L., 2013.

Collier D., Levitsky S. Democracy with adjectives // World Politics. 1997. N 3.

Dunn J. Setting the people free: the story of democracy. L., 2005.

Dunn J. Ne ocharovyvat'sja demokratiej [Breaking democracy's spell]. М., 2016 (in Russian).

Dupuis-Déri F. The political power of words: the birth of pro-democratic discourse in the nineteenth century in the United States and France // Political Studies. 2004. Vol. 52. Iss. 1.

Fukuyama F. Political order and political decay: from the industrial revolution to the globalization of democracy. N.Y., 2014.

Garsten B. From popular sovereignty to civil society in post-revolutionary France // Popular Sovereignty in Historical Perspective / Ed. by R. Bourke, Q. Skinner. Cambridge, 2016.

Hashem M. Sisi: Egypt has completed a democratic transition // Al Jazeera. 2016.14.02.

Huntington S. Tret'ja volna. Demokratizacija v konce XX veka [The third wave. Democratization in the end of the XX century]. М., 2003 (in Russian).

Kurlantzick J. Democracy in retreat: the revolt of the middle class and the worldwide decline of representative government. New Haven, 2013.

Lee Kuan Yew. Iz tret'ego mira v pervyj: istorija Singapura (1965–2000) [From the third world to the first: history of Singapore (1965–2000)]. M., 2016 (in Russian).

Lipset S.M. Razmyshlenija o kapitalizme, socializme i demokratii [Thoughts on capitalism, socialism and democracy] // Predely vlasti [Limits of Power]. 1994. N 1 (in Russian).

Madison J. Federalist N 10 [Federalist N 10] // Federalist: politicheskie jesse A. Gamil'tona, J. Madisona i J. Jaya [Federalist: Political Essays by A. Gamilton, J. Madison and J. Jay.]. M., 1994 (in Russian).

Merkel W. Is there a crisis of democracy? // Democratic Theory. 2014. Vol. 1. Iss. 2.

Mitra S. Politics in India: structure, process and policy. Oxford, 2011.

Mukerjee R. Democracies of the East: a study in comparative politics. L., 1923.

Norris P. Democratic deficit: critical citizens revisited. Cambridge, 2011.

O'Donnell G. The perpetual crises of democracy // Journal of Democracy. 2007. Vol. 18. Iss. 1.

Offe C. Crisis and innovation of liberal democracy: can deliberation be institutionalised? // Czech Sociological Review. 2011. N 47 (3).

Ostrogorskij M.Ja. Demokratija i politicheskie partii [Democracy and political parties]. M., 1997 (in Russian).

Paine T. Zdravyj smysl [Common Sense] // Pejn T. Izbrannye sochinenija [Selected Works.]. M., 1959 (in Russian).

Press-vypusk VCIOM [VCIOM Press Release]. 2016.15.08. № 3175 (in Russian).

Przeworski A. Democracy and the limits of self-government. Cambridge, 2010.

Runciman D. The confidence trap: a history of democracy in crisis from World War I to the present. Princeton, 2013.

Schumpeter J. Kapitalizm, socializm i demokratija [Capitalism, socialism and democracy]. M., 1995 (in Russian).

Sen A. Razvitie kak svoboda [Development as freedom]. M., 2004 (in Russian).

Sor-Hoon Tan. China's pragmatist experiment in democracy: Hu Shih's pragmatism and Dewey's influence in China // Metaphilosophy. 2004. Vol. 35. Iss. 1–2.

Zakaria F. The future of freedom: illiberal democracy at home and abroad. N.Y.; L., 2003.